

БЛОК 12. НАУЧНЫЙ ТЕКСТ. АННОТИРОВАНИЕ

ЗАДАНИЕ 1.

Ручная проверка

Прочитайте главу и аннотацию к ней. Достаточно ли точно и в то же время лаконично аннотация передаёт содержание главы? Письменно аргументируйте свою точку зрения.

Мещерский Е.

История русского литературного языка

Глава третья. Проблемы образования древнерусского литературно-письменного языка

Под древнерусским литературно-письменным языком принято понимать тот язык, который дошёл до нас в письменных памятниках, как сохранившихся непосредственно в древнейших рукописях XI—XII вв, так и в позднейших списках. Письменный язык древнейшего времени обслуживал многосторонние общественные потребности Киевского государства: он служил нуждам государственного управления и суда; на нём оформлялись официальные документы, им пользовались в частной переписке; на древнерусском литературном языке создавались летописные повести и другие произведения русских авторов

Древнерусским письменным языком пользовалось как основное восточнославянское население Киевского государства, так и представители других, неславянских племен, вошедших в его состав: финских на севере и востоке, тюркских на юге, балтийских на северо-западе. Очень вероятно, что распространение древнерусского письменного языка перешагнуло пределы государственных границ и он был в употреблении и у печенегов, и у древних кабардинцев в предгорьях Кавказа, и у молдаван в Прикарпатье.

Литературно-письменный язык был призван обслуживать все потребности древнерусского общества. У нас нет поэтому ни социологических, ни лингвистических оснований противопоставлять литературному языку язык деловых письменных памятников древней эпохи, таких как, например, «Русская правда» или грамоты, будь они на пергамене или на бересте

Один и тот же по своей внутренней структуре литературно-письменный язык мы обнаруживаем в письменных памятниках, созданных на территории Древней Руси, и оригинального и переводного происхождения.

Уже при самом поверхностном знакомстве с языком письменных памятников древнерусской эпохи обнаруживается его смешанный характер. Во всех его типах и жанрах соприкасаются элементы как восточнославянские, народные, так и старославянские, книжные. Труды русских ученых XIX в А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, И. И. Срезневского, И. В. Ягича, А. И. Соболевского и др было твёрдо установлено лишь то, что русская письменность и литература до Ломоносова пользовалась языком, представлявшим собою конгломерат народного, восточнославянского, с древнецерковнославянским, болгарским по происхождению. Было определено, что соотношение собственно русских и старославянских речевых элементов в различных памятниках древнерусской письменности колеблется в зависимости от жанра произведения и от степени образованности автора, а отчасти и писца той или иной рукописи. Было выяснено, что, кроме письменности на этом смешанном языке (древнецерковнославянском русского извода), в Древней Руси была и такая письменность, которая создавалась на чисто русском языке. Наконец, было доказано, что старославянские (древнеболгарские) элементы русского литературного языка с течением времени всё более и более вытесняются и уступают место элементам русской народной речи, что находит окончательное завершение к первым десятилетиям XIX в., примерно к

эпохе Пушкина. Всё остальное в этих проблемах продолжало быть спорным вплоть до советского времени.

Прежде всего оставался открытым вопрос о первичности или вторичности того или иного речевого элемента в составе славянорусского литературного языка, которым уже в X в начала пользоваться Киевская Русь.

Первым из русских филологов, писавших в советское время, четко и полно изложил концепцию природы и происхождения древнерусского литературного языка А. А. Шахматов. Он не оставил без внимания ни одного из вопросов, выдвинутых в области названной проблемы его научными предшественниками, и в этом отношении высказанная им стройная теория происхождения русского литературного языка может рассматриваться как синтез всего того, что было сделано исследователями на протяжении XIX в. Закономерно эту концепцию называть традиционной теорией происхождения русского литературного языка.

Более решительно, чем его предшественники, А. А. Шахматов возводил древнерусский, а тем самым и современный русский литературный язык к языку древнецерковнославянскому как к непосредственному источнику. А. А. Шахматов писал о постепенно совершавшемся в ходе исторического развития преобразовании древнеболгарского по происхождению письменного языка в современный русский литературный язык.

Сопоставляя историю русского литературного языка с историей западноевропейских языков, развивавшихся в средневековый период под сильным воздействием латыни, А. А. Шахматов пришел к заключению, что в отличие от Запада, где латинский язык никогда не ассимилировался с народно-разговорными языками, церковнославянский «с первых же лет своего существования на русской почве стал ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нём русские люди не могли разграничивать в своей речи ни своё произношение, ни своё словоупотребление от усвоенного ими церковного языка». Очевидно, А. А. Шахматов допускал, что древнецерковнославянский язык в Киевской Руси использовался не только как язык культа и письменности, но служил и разговорным языком для какой-то образованной части населения. Продолжая эту мысль, он утверждал, что уже памятники XI в. доказывают, что произношение церковнославянского языка в устах русских людей утратило свой чуждый русскому слуху характер.

Таким образом, А. А. Шахматов признавал смешанный состав современного русского литературного языка, считая присущие ему народные, восточнославянские по происхождению, речевые элементы позднейшими, внесёнными в него в ходе постепенного его «ассимилирования живой русской речи», элементы же древнецерковнославянские, болгарские по этнолингвистическому истоку, причисляя к первоначальной основе литературно-письменного языка, перенесённого от южных славян в Киевскую Русь в X в.

Эта точка зрения, точно и определенно сформулированная в трудах А. А. Шахматова, разделялась примерно до середины 1930-х годов громадным большинством советских филологов — лингвистов и литературоведов. На этой позиции стояли, например, В. М. Истрин, А. С. Орлов, Л. А. Булаховский, Г. О. Винокур.

Новая научная теория, подчеркивавшая значение восточнославянской народноречевой основы в процессе сложения древнерусского литературного языка, была выдвинута проф. С. П. Обнорским в 1934 г. Учёный подробно проанализировал язык древнейшего юридического памятника Киевской Руси, сложившегося в XI в. и дошедшего до нас в старшем Синодальном списке «Новгородской кормчей», датированной 1282 г. Как показывает тщательно проведённый С. П. Обнорским анализ языка этого памятника, преимущественно фонетики и морфологии, он почти совершенно лишён каких бы то ни было речевых элементов старославянского происхождения и, наоборот, в нём чрезвычайно широко представлены черты восточнославянского характера. Это

наблюдение позволило С. П. Обнорскому закончить свое исследование выводами, имеющими отношение к проблеме образования древнерусского литературного языка.

Ученый писал тогда: «Итак, «Русская Правда», как памятник русского литературного языка, как старейший его свидетель, дает нити для суждения о самом образовании нашего литературного языка. Русский литературный язык старейшей эпохи был в собственном смысле русским во всем своем острове. Этот русский литературный язык старшей формации был чужд каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры, но, с другой стороны, ему не были чужды иные воздействия — воздействия, шедшие со стороны германского и западнославянского миров. На этот русский литературный язык, видимо, первоначально взращённый на севере, позднее оказала сильное воздействие южная, болгарско-византийская культура. Оболгарение русского литературного языка следует представлять как длительный процесс, шедший с веками *crescendo*. Недаром русско-болгарские памятники старшего периода содержат в известных линиях русских элементов даже более, чем сколько их оказывается в современном нашем языке. Очевидно, по этим линиям оболгарение нашего литературного языка последовало позднее в самом процессе его роста».

Точка зрения, на которую стал С. П. Обнорский в 1934 г., позволила ему и в последующие годы обогатить историю русского языка рядом интересных исследований. Так, в 1936 г. была напечатана его статья, посвященная языку договоров русских с греками, о которой было сказано выше. В 1939 г. появилась статья о «Слове о полку Игореве». В обеих названных работах мысли, высказанные в статье о языке «Русской правды», нашли дальнейшее развитие и уточнение. В частности, не выдержало испытания временем предположение о первоначальном северном происхождении русского литературного языка. Обращение С. П. Обнорского к источникам, прежде всего к «Слову о полку Игореве» как к памятнику древнейшего поэтического творчества, дало возможность говорить о Киевской Руси, как о подлинной колыбели русского литературного языка. Отпало также предположение о древнем воздействии на русский литературный язык германской или западнославянской речевой стихии. Не выдержали проверки и отдельные собственно историко-грамматические положения, высказывавшиеся С. П. Обнорским в статье о «Русской правде», а именно положения о том, что глагольная форма аориста якобы не являлась исконной принадлежностью русского языка и была в него внесена позднее под старославянским (болгарским) воздействием. Преобладание в языке «Слова о полку Игореве» именно этой выразительной формы прошедшего времени глагола заставляло отказаться от гипотезы о её иноязычном происхождении и признать её исконную принадлежность русскому литературному языку.

Что же касается основного во взглядах С. П. Обнорского на происхождение русского литературного языка, то положение об исконности русской речевой основы в литературном языке старшей формации продолжало с ещё большей уверенностью звучать в последующих его работах.

Гипотеза, выдвинутая С. П. Обнорским, была встречена рядом критических выступлений. Во-первых, против положений, высказанных С. П. Обнорским в его первой статье, возражал известный советский славист проф. А. М. Селищев, критическая статья которого увидела свет лишь в 1957 г.

Обстоятельный разбор взглядов С. П. Обнорского на происхождение русского литературного языка был дан также проф. С. И. Бернштейном во вступительной статье к четвёртому изданию книги А. А. Шахматова «Очерк современного русского литературного языка» (1941 г.). С. И. Бернштейн признаёт бесспорную ценность работ С. П. Обнорского в том, что гипотезу о русской основе древнерусского литературного языка, выдвигавшуюся прежними исследователями лишь абстрактно, эти работы переносят на почву конкретного изучения языка памятников. Однако С. И. Бернштейн отметил в качестве методологического недочёта работ С. П. Обнорского то, что в них

слишком много внимания уделено критериям фонетическим и морфологическим и слишком мало—словарным и фразеологическим, которые имеют наибольшее значение при решении вопроса о первоначальной основе литературного языка. Отрицательной стороной работ С. П. Обнорского С. И. Бернштейн признавал также и то, что в них исследованы пока лишь два языковых памятника. Он указывал на необходимость привлечения таких произведений русских авторов, которые были созданы в XI—XIII вв. и дошли до нас в относительно ранних списках, например «Житие Феодосия Печерского» и «Сказание о Борисе и Глебе», сохранившиеся в списке «Успенского сборника» XII в. «Не исключена возможность,— писал С. И. Бернштейн, — что обследование других памятников, и прежде всего обследование лексико-фразеологическое на широкой сравнительной основе, приведёт к необходимости дальнейших поправок, может быть, даже к замене постулированного академиком Обнорским хронологического различия между чисто русским литературным языком древнейшей эпохи и позднейшим «оболгаренным языком», представлением о различии одновременно развивавшихся жанров литературы и стилей языка».

Справедливая и беспристрастная научная критика не остановила исследовательских устремлений С. П. Обнорского, и он продолжал разрабатывать выдвинутую им гипотезу о восточнославянской речевой основе древнерусского литературного языка старшей формации. В годы Великой Отечественной войны им написана новая большая работа, удостоенная Государственной премии I степени. В этом исследовании С. П. Обнорский значительно расширяет круг анализируемых им памятников древнейшего периода русского литературного языка. В книге четыре очерка: 1. «Русская правда» (краткая редакция); 2. Сочинения Владимира Мономаха; 3 «Моление Даниила Заточника» и 4. «Слово о полку Игореве». Расширение исследовательской базы естественно способствует большей убедительности тех выводов, которые могут быть сделаны исследователем из своих наблюдений.

В отличие от ранних статей С. П. Обнорского, в «Очерках...» уделяется достаточное внимание не только звуковому и морфологическому строю языка исследуемых памятников, но и синтаксису и лексике. В ходе более углубленного изучения проблемы гипотеза об исконно русской речевой основе русского литературного языка старшей формации получила немало уточнений и коррективов по сравнению со своей первоначальной трактовкой. Как писал С. П. Обнорский в предисловии к своей книге, некоторые из выводов, первоначально намеченные им в виде осторожных предположений, необходимо было видоизменить и уточнить. «Но один из выводов,— продолжает он,— основной, должен считаться безусловно и безоговорочно правильным. Таково положение о русской основе нашего литературного языка, а соответственно — о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов, т. е. положение, вскрывающее ложность существовавшей до этого общей концепции по вопросу происхождения русского литературного языка».

Произведенный С. П. Обнорским анализ языка всех исследованных им памятников показывает, что язык в них один и тот же — «это и есть общий русский литературный язык старшей поры». Необходимо оттенить как выдающуюся заслугу С. П. Обнорского в области методологии историко-языкового исследования памятников то, что он не останавливался перед изучением языка тех произведений, которые дошли до наших дней только в более поздних списках. Историки языка до Обнорского, а также, к сожалению, и многие наши современники, не решались и не решаются вскрыть первоначальную языковую природу таких памятников письменности, признав её безнадежно утраченной под воздействием последующих языковых наслоений. С. П. Обнорский, глубоко зная историю русского языка и владея методикой историко-лингвистического анализа, смело вскрывал первоначальную языковую основу исследованных им письменных памятников древности, постепенно, слой за слоем, снимая с них позднейшие новообразования,

отраженные дошедшими до нас списками. Работу С. П. Обнорского мы можем сравнить с трудом живописца-реставратора, который снимает позднейшие подмалёвки с древних произведений русской живописи и заставляет «сиять заново» своими первоначальными красками эти чудесные произведения искусства.

И еще одно, как нам кажется, чрезвычайно важное в методологическом отношении положение высказано С. П. Обнорским в предисловии к его «Очеркам...». Иногда теперь считают, что этот учёный призывал к нигилистической недооценке старославянского языка в истории русского литературного языка. Это далеко не так. Касаясь методики языкового анализа древнерусских памятников письменности, С. П. Обнорский писал: «Положение о происхождении русского литературного языка на русской базе имеет большое методологическое значение в дальнейшем изучении русского языка. Стоя на ложном пути, усматривая истоки нашего литературного языка в церковнославянском пришлом языке, мы методологически неправильно ставили односторонне вопрос о рамках русских элементов в свидетельствах того или иного памятника. Необходимо в равной мере освещать и другой вопрос — о доле церковнославянских элементов, принадлежащих каждому данному памятнику или серии памятников. Тогда на объективную почву исследования будет поставлена общая проблема об истории церковнославянизмов в русском языке, о судьбах церковнославянского языка. Это исследование должно показать объективную мерку церковнославянизмов в нашем языке, либо представление о них у нас преувеличено. Многие церковнославянизмы, свидетельствуемые теми или иными памятниками письменности, имели значение условных, изолированных фактов языка, в систему его не входили, а в дальнейшем вовсе выпадали из него, и сравнительно немногие слои их прочно вошли в обиход нашего литературного языка».

К сожалению, пожелание С. П. Обнорского, столь существенное в методологическом отношении, не было претворено в жизнь ни в собственных его историко-лингвистических изысканиях, ни в последующих трудах по истории русского литературного языка, написанных другими исследователями.

Теория С. П. Обнорского о русской основе древнерусского литературно-письменного языка была признана в конце 40-х — начале 50-х годов большинством учёных, занимавшихся тогда вопросами истории русского языка, и получила широкое распространение в учебных пособиях. Так, теорию С. П. Обнорского поддержали акад. В. В. Виноградов, проф. П. Я. Черных, проф. П. С. Кузнецов и др.

В те же годы, что и С. П. Обнорский, но совершенно независимо от него разрабатывал проблемы, связанные с историей древнерусского литературного языка, проф. Л. П. Якубинский, скончавшийся в Ленинграде в 1945 г. Его книга «История древнерусского языка», законченная в 1941 г, была опубликована после его смерти. Отвечая на вопрос о происхождении древнерусского литературного языка, Л. П. Якубинский опирался на лингвистический анализ тех же основных памятников древнерусской литературы, что и С. П. Обнорский. Его очерки, посвящённые языку произведений Владимира Мономаха и «Слову о полку Игореве», печатались на страницах периодических изданий ещё до выхода в свет названной книги.

В своих историко-лингвистических построениях Л. П. Якубинский исходил из самоочевидного факта сосуществования в древнерусских письменных памятниках старославянских и собственно древнерусских языковых явлений. Он предполагал, что это может быть объяснено последовательной сменой двух литературных языков в процессе исторического развития Киевского государства. Согласно мнению Л. П. Якубинского, в древнейшую пору существования Киевского княжества, после крещения Руси, в X в. и в первые десятилетия XI в. безусловно преобладал старославянский литературный язык. Он явился официальным государственным языком древнекиевской державы. На старославянском языке были, по мнению Л. П. Якубинского, написаны древнейшие страницы «Начальной летописи». Этот же государственный старославянский язык

использовал для своей проповеди первый русский по происхождению киевский митрополит Илларион, автор известного «Слова о Законе и Благодати».

Со второй половины XI в., в непосредственной связи с теми социальными потрясениями (восстания смердов, предводительствуемых волхвами, волнения городских низов), которые переживает в этот период древнерусское феодальное общество, происходит усиление влияния собственно древнерусского письменного языка, который находит признание в качестве государственного языка Киевской Руси в начале XII в. в правление Владимира Всеволодовича Мономаха, пришедшего к власти в качестве великого князя Киева в 1113 г. после подавления восстания городской бедноты.

Историческая концепция Л. П. Якубинского подверглась не во всём обоснованной критике В. В. Виноградова и не получила признания в дальнейшем развитии науки о древнерусском литературном языке, хотя, несомненно, в этой концепции есть своё рациональное зерно и она не может быть целиком отвергнута.

Начиная со второй половины 1950-х годов отношение к теории С. П. Обнорского изменяется, и его взгляды на образование древнерусского литературного языка подвергаются критике и пересмотру. Первым с критикой теории С. П. Обнорского выступил акад. В. В. Виноградов. В 1956 г. этот автор, излагая основные концепции советских учёных по вопросу происхождения древнерусского литературного языка, называет имена А. А. Шахматова, С. П. Обнорского и Л. П. Якубинского, не отдавая предпочтения ни одной из высказанных ими научных гипотез.

В 1958 г. В. В. Виноградов выступает на IV Международном съезде славистов в Москве с докладом на тему: «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка». Изложив в докладе все научные концепции по данной проблеме, В. В. Виноградов выдвигает свою теорию о двух типах древнерусского литературного языка: книжно-славянском и народно-литературном, широко и разносторонне взаимодействовавших между собою в процессе исторического развития. Одновременно В. В. Виноградов не считает возможным признать принадлежащими к древнерусскому литературному языку памятники делового содержания, язык которых, по его мнению, лишен каких бы то ни было признаков литературной обработанности.

Совершенно особую позицию при рассмотрении вопроса о происхождении древнерусского литературного языка занял в 1961 г. Н. И. Толстой. Согласно взглядам этого учёного, в Древней Руси, как и в других странах южно- и восточнославянского мира, вплоть до XVIII в. в качестве литературного языка использовался древнеславянский литературно-письменный язык с его локальными ответвлениями.

Точка зрения Н. И. Толстого была поддержана, развита и частично уточнена в работах некоторых других учёных, например М. М. Копыленко, и в нашей статье.

В статьях В. В. Виноградова, опубликованных в последний год его жизни, были высказаны новые мысли о проблеме образования древнерусского литературного языка. Отстаивая в целом положение о самобытном его характере, оспариваемом такими зарубежными учеными, как Б. Унбегаун и Г. Хютль-Ворт, В. В. Виноградов признавал, что древнерусский литературный язык был сложен по своей природе и что в его составе следует различать четыре разных компонента: а) старославянский литературный язык; б) деловой язык и дипломатическую речь, развившиеся на восточнославянской основе; в) язык устного творчества; г) собственно народные диалектные элементы речи.

Новую точку зрения на соотношение древнеславянского и древнерусского литературного языка в начальные периоды их общественного функционирования высказала в 1972 г. Л. П. Жуковская. Изучая язык традиционных переводных памятников древнерусской письменности, в частности язык «Мстиславова евангелия» 1115—1117 гг., эта исследовательница обнаружила множество случаев варьирования, лексического и грамматического, в тождественных по содержанию текстах евангельских чтений, внесение в эти тексты при их редактировании и переписке древнерусскими писцами широкого круга слов и грамматических форм как общеславянских, так и собственно

русских. Это свидетельствует, по мнению Л. П. Жуковской, о том, что и памятники традиционного содержания, т. е. церковные книги, могут и должны рассматриваться в ряду памятников русского литературного языка; о церковнославянском языке, отличающемся от русского, можно говорить, с точки зрения Л. П. Жуковской, лишь начиная с XV в., после второго южнославянского влияния на древнерусский литературный язык. Как нам думается, и эта точка зрения страдает известной односторонностью и не лишена полемической заострённости, не способствующей объективному выявлению истины.

В 1975 г. были посмертно изданы «Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.)», читавшиеся Б. А. Лариным еще в 1949—1951 гг. Касаясь проблем образования древнерусского литературного языка, Б. А. Ларин полемизирует не только с учёными, придерживавшимися традиционных воззрений на этот вопрос; не ограничиваясь только изложением взглядов А. А. Шахматова, критикует он и работы С. П. Обнорского, считая его позицию во многих отношениях узкой и односторонней. Б. А. Ларин признает возможным говорить о народноречевой основе древнерусского литературного языка, при этом относя его начало к значительно более раннему историческому периоду, чем С. П. Обнорский. Б. А. Ларин находил первые проявления собственно русского литературного языка уже в древнейших договорах киевских князей с греками, в частности в договоре князя Олега с Византией в 907 г., видя в «Русской Правде» отражение того же самого делового литературно-письменного языка на восточнославянской речевой основе. Вместе с тем Б. А. Ларин не отрицал и сильного прогрессивного воздействия на древнерусский язык языка церковнославянского, признавая последний «иностранным» по отношению к речи древних восточных славян.

Обращаясь к научным взглядам на образование древнерусского литературного языка, высказанным С. П. Обнорским и его критиками, мы должны всё же отдать предпочтение работам С. П. Обнорского. Несомненно, многое в них рождено полемическими увлечениями, многое нуждается в усовершенствовании и дальнейшем углубленном исследовании. Однако его выводы всегда основываются на глубоком лингвостилистическом анализе конкретных письменных памятников, и в этом их сила!

Выскажем наши предварительные соображения по поводу происхождения древнерусского литературного языка.

С нашей точки зрения, в процессе образования древнерусского литературно-письменного языка первичным следует признать народную разговорную речь восточнославянских племен, древние восточнославянские народные говоры; первичными мы признаём их в том смысле, что они, несомненно, к историческому моменту появления письменности подошли уже внутренне подготовленными, отражая относительно высокую степень общественного развития их носителей.

Достаточно широко разветвленная в жанрово-стилистическом отношении деловая письменность, возникшая у восточных славян в момент перехода их от первобытнообщинного строя к классовому обществу, отражала многогранные и многообразные потребности этого общества. Мы находим здесь и письменные завещания, и международные договоры, и надписи на бытовых предметах и изделиях, и памятные надписи на камнях и надгробиях, и частную переписку. Закрепление разговорного языка в различных сферах деловой письменности не было ещё, разумеется, литературным языком, но в значительной мере подготовило почву для его появления.

Народные говоры восточнославянской письменной речи развивались и отшлифовывались и в процессе зарождения и сложения самобытного речевого художественного творчества в его первоначальном устном бытовании. Нет сомнения, что восточнославянские племена в IX—X вв. обладали богатым и развитым устным народным творчеством, эпической и лирической поэзией, сказаниями и легендами, пословицами и поговорками. Это устно-поэтическое богатство, несомненно, предшествовало

возникновению письменной литературы и литературного языка и в значительной мере подготовило их дальнейшее развитие.

Как показывают открытия, сделанные исследователями древнерусской литературы, и в частности акад. Д. С. Лихачевым, появлению и развитию письменной формы летописания предшествовали так называемые «устные летописи» — повести и сказания, передававшиеся из века в век, из поколения в поколение, очень часто в пределах единого рода и семьи. Как показывают работы того же исследователя, первоначально в устной форме бытовали и посольские речи, лишь впоследствии закрепившиеся в письменной форме.

Однако само по себе развитие устной народной поэзии, каким бы интенсивным оно ни было, не может привести к формированию литературного языка, хотя, безусловно, способствует усовершенствованию в отшлифовке разговорной речи, появлению в её недрах образных средств выражения.

Условия возникновения у восточных славян литературного языка специфичны. Они выражаются в том единственном и неповторимом соединении богатой и выразительной народной речи с выработанным, стройным и располагающим неисчерпаемыми словообразовательными возможностями общим литературно-письменным языком славянства — древним церковнославянским письменным языком. Подобных условий для развития не имели другие литературные языки народов Европы. В отличие от латинского языка, служившего официальным письменно-литературным языком народам Западной Европы в период средневековья, древний церковнославянский язык, близкий к общеславянским формам речевого общения и сам по себе создавшийся в результате совместного речевого творчества различных ветвей славянства, всегда был доступен речевому сознанию восточных славян. Древний церковнославянский язык не подавил собою языкового развития восточных славян, а наоборот, дал мощный толчок развитию их природного языка, вступив в органическое единство с восточнославянскими народными говорами. В этом заключается великое культурно-историческое значение древнеславянского языка для восточнославянских народов.

Необходимо еще раз подчеркнуть высокий уровень лексического и грамматического развития древнеславянского литературно-письменного языка. Сложившийся главным образом в качестве языка переводной церковной письменности, древнеславянский литературно-письменный язык органически впитал в себя все достижения высокой речевой культуры средневекового византийского общества. Греческий язык византийской эпохи послужил непосредственной моделью при формировании литературно-письменного языка древних славян, в первую очередь в сфере лексики и словообразования, фразеологии и синтаксиса. При этом надо помнить, что сам по себе греческий язык византийской эпохи является не только прямым наследником античных речевых ценностей, но и языком, впитавшим в себя богатство древних языков Востока — египетского, сирийского, древнееврейского. И всё это неисчислимое речевое богатство было передано греческим языком его прямому наследнику, как бы усыновленному им древнеславянскому литературному языку. И восточные славяне, восприняв в X в. церковную книжность на древнеславянском языке от своих старших по культуре братьев, славян южных и отчасти западных, моравских, стали тем самым обладателями этого славяно-эллинского речевого сокровища. Благодаря органическому слиянию с древнеславянским письменным языком литературный язык Киевской Руси, славяно-русский литературный язык сразу же стал одним из наиболее богатых и развитых языков не только тогдашней Европы, но и всего мира.

Таким образом, процесс образования древнерусского литературно-письменного языка в X—XI вв. может быть уподоблен прививке плодового дерева. Дичок, подвой, сам по себе никогда не мог бы развиваться в плодоносящее благородное растение. Но опытный садовник, сделав в стволе подвоя надрез, вставляет в него веточку благородной яблони, привой. Она срастается с дичком в едином организме, и дерево становится способным

давать драгоценные плоды. В истории русского литературного языка своеобразным «подвоем» мы можем назвать восточнославянскую народную речь, благородным же «привоем» для неё послужил древнеславянский письменный язык, обогативший его и органически слившийся с ним в единой структуре.

Мещерский Е.

История русского литературного языка

Глава третья. Проблемы образования древнерусского литературно-письменного языка

Аннотация

Глава посвящена процессу образования древнерусского литературно-письменного языка в X—XI вв. В ней обобщаются выводы, сделанные учёными-лингвистами XIX, подробно анализируются различные точки зрения на истоки и составляющие древнерусского языка, отражённые в трудах исследователей советского периода, и выражается авторская позиция, согласно которой литературный язык Киевской Руси стал одним из наиболее богатых и развитых языков благодаря органическому слиянию с древнеславянским письменным языком.

ЗАДАНИЕ 2.

Ручная проверка

Прочитайте фрагмент из статьи Ю. Лотмана и напишите к ней аннотацию.

Лотман Ю. Структура художественного текста

Искусство как язык

Искусство – одно из средств коммуникации. Оно, бесспорно, осуществляет связь между передающим и принимающим (то, что в известных случаях оба они могут совместиться в одном лице, не меняет дела, подобно тому как человек, разговаривающий сам с собой, соединяет в себе говорящего и слушающего). Даёт ли это нам право определить искусство как особым образом организованный язык?

Всякая система, служащая целям коммуникации между двумя или многими индивидами, может быть определена как язык (как мы уже отмечали, случай автокоммуникации подразумевает, что один индивид выступает в качестве двух). Часто встречающееся указание на то, что язык подразумевает коммуникацию в человеческом обществе, строго говоря, не является обязательным, поскольку, с одной стороны, языковое общение между человеком и машиной и машин между собой в настоящее время является уже не теоретической проблемой, а технической реальностью. С другой стороны, наличие определенных языковых общений в мире животных также не подвергается уже сомнению. Напротив того, системы коммуникаций внутри индивида (например, механизмы биохимической регуляции или сигналов, передаваемых по сети нервов организма) языками не являются.

В этом смысле мы можем говорить как о языках не только о русском, французском или хинди и других, не только об искусственно создаваемых разными науками системах, употребляемых для описания определённых групп явлений (их называют «искусственными» языками, или метаязыками данных наук), но и об обычаях, ритуалах, торговле, религиозных представлениях. В этом же смысле можно говорить о «языке» театра, кино, живописи, музыки и об искусстве в целом как об особым образом организованном языке.

Однако, определив искусство как язык, мы тем самым высказываем некие определённые суждения относительно его устройства. Всякий язык пользуется знаками, которые составляют его «словарь» (иногда говорят «алфавит», для общей теории знаковых систем эти понятия равнозначны), всякий язык обладает определёнными

правилами сочетания этих знаков, всякий язык представляет собой определенную структуру, и структуре этой свойственна иерархичность.

Такая постановка вопроса позволяет подойти к искусству с двух различных точек зрения.

Во-первых, выделить в искусстве то, что роднит его со всяким языком, и попытаться описать эти его стороны в общих терминах теории знаковых систем.

Во-вторых, – на фоне первого описания – выделить в искусстве то, что присуще ему как особому языку и отличает его от других систем этого типа.

Поскольку мы в дальнейшем будем пользоваться понятием «язык» в том специфическом значении, которое ему придаётся в работах по семиотике и существенно расходится с привычным словоупотреблением, определим содержание этого термина. Под языком мы будем понимать всякую коммуникационную систему, пользующуюся знаками, упорядоченными особым образом. Рассмотренные таким образом языки будут отличаться:

- во-первых, от систем, не служащих средствами коммуникации;
- во-вторых, от систем, служащих средствами коммуникации, но не пользующихся знаками;
- в-третьих, от систем, служащих средствами коммуникации и пользующихся совсем или почти не упорядоченными знаками.

Первое противопоставление позволяет отделить языки от тех форм человеческой деятельности, которые не связаны непосредственно и по своей целевой установке с накоплением и передачей информации. Второе позволяет ввести следующее разделение: знаковое общение происходит в основном между индивидами, внезнаковое – между системами внутри организма. Однако вернее, видимо, было бы истолковать это противопоставление как антитезу коммуникаций на уровне первой и второй сигнальных систем, поскольку, с одной стороны, возможны внезнаковые связи между организмами (особенно значительные у низших животных, но сохраняющиеся и у человека в виде явлений, изучаемых телепатией), с другой – возможно и знаковое общение внутри организма. Имеется в виду не только самоорганизация человеком своего интеллекта при помощи тех или иных знаковых систем, но и те случаи, когда знаки вторгаются в сферу первичной сигнализации (человек «заговаривает» словами зубную боль; действуя сам на себя при помощи слов, переносит страдания или физическую пытку).

Если с этими оговорками принять положение о том, что язык есть форма коммуникации между двумя индивидами, то придётся сделать ещё некоторые уточнения. Понятие «индивидуум» удобнее будет заменить «передающим сообщением» (адресантом) и «принимающим его» (адресатом). Это позволит ввести в схему те случаи, когда язык связывает не два индивидуума, а два других передающих (принимающих) устройства, например телеграфный аппарат и подключённое к нему автоматическое записывающее устройство. Но важнее другое – нередки случаи, когда один и тот же индивид выступает и как адресант и как адресат сообщения (заметки «на память», дневники, записные книжки). Информация тогда передается не в пространстве, а во времени и служит средством самоорганизации личности. Следовало бы считать, что данный случай – лишь малозначительная частность в общей массе социальных общений, если бы не одно соображение: можно рассматривать в качестве индивида отдельного человека, тогда схема коммуникации $A \rightarrow B$ (от адресанта к адресату) будет явно преобладать над $A \rightarrow A$ (адресант сам же является адресатом, но в другую единицу времени). Однако стоит подставить под «А», например, понятие «национальная культура», чтобы схема коммуникации $A \rightarrow A$ получила по крайней мере равноправное значение с $A \rightarrow B$ (в ряде культурных типов она будет главенствовать). Но сделаем следующий шаг – подставим под «А» человечество в целом. Тогда автокоммуникация станет (по крайней мере, в пределах исторически реального опыта) единственной схемой коммуникации.

Третье противопоставление отделит языки от тех промежуточных систем, которыми в основном занимается паралингвистика, – мимики, жестов и т. п.

Если понимать «язык» предложенным выше образом, то понятие это объединит:

- а) естественные языки (например, русский, французский, эстонский, чешский);
- б) искусственные языки: языки науки (метаязыки научных описаний), языки условных сигналов (например, дорожных знаков) и т. п.;

в) вторичные языки (вторичные моделирующие системы) – коммуникационные структуры, надстраивающиеся над естественно-языковым уровнем (миф, религия). Искусство – вторичная моделирующая система. «Вторичный по отношению к языку» следует понимать не только как «пользующийся естественным языком в качестве материала». Если бы термин имел такое содержание, то включение в него несловесных искусств (живописи, музыки и других) было бы явно неправомерно. Однако отношение здесь более сложное: естественный язык – не только одна из наиболее ранних, но и самая мощная система коммуникаций в человеческом коллективе. Самой своей структурой он оказывает мощное воздействие на психику людей и многие стороны социальной жизни. Вторичные моделирующие системы (как и все семиотические системы) строятся по типу языка. Это не означает, что они воспроизводят все стороны естественных языков. Так, музыка резко отличается от естественных языков отсутствием обязательных семантических связей, однако в настоящее время очевидна уже полная закономерность описания музыкального текста как некоторого синтагматического построения (работы М. М. Ланглебен и Б. М. Гаспарова). Выделение синтагматических и парадигматических связей в живописи (работы Л. Ф. Жегина, Б. А. Успенского), кино (статьи С. М. Эйзенштейна, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, К. Меца) позволяет видеть в этих искусствах семиотические объекты – системы, построенные по типу языков. Поскольку сознание человека есть сознание языковое, все виды надстроенных над сознанием моделей – и искусство в том числе – могут быть определены как вторичные моделирующие системы.

Итак, искусство может быть описано как некоторый вторичный язык, а произведение искусства – как текст на этом языке.

Доказательству и объяснению этого тезиса будет посвящена значительная часть предлагаемого вниманию читателей исследования. Пока ограничимся несколькими цитатами, подчеркивающими неотделимость поэтической идеи от особой, ей соответствующей структуры текста, особого языка искусства. Вот запись А. Блока (июль 1917 г.): «Ложь, что мысли повторяются. Каждая мысль нова, потому, что её окружает и оформляет новое. «Чтоб он, воскреснув, встать не мог» (моя), «Чтоб встать он из гроба не мог» (Лермонтов – сейчас вспомнил) – совершенно разные мысли. Общее в них – «содержание», что только доказывает лишний раз, что бесформенное содержание само по себе не существует, не имеет веса».

Рассматривая природу семиотических структур, можно сделать одно наблюдение: сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации. Усложнение характера информации неизбежно приводит к усложнению используемой для её передачи семиотической системы. При этом в правильно построенной (то есть достигающей цели, ради которой она создана) семиотической системе не может быть излишней, неоправданной сложности.

Если существуют две системы А и В и обе они полностью передают некий единый объём информации при одинаковом расходе на преодоление шума в канале связи, но система А значительно проще, чем В, то не вызывает никаких сомнений, что система В будет отброшена и забыта.

Поэтическая речь представляет собой структуру большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к естественному языку. И если бы объём информации, содержащейся в поэтической (стихотворной или прозаической – в данном случае не имеет значения) и обычной речи был одинаковым, художественная речь потеряла бы право на существование и, бесспорно, отмерла бы. Но дело обстоит иначе: усложненная художественная структура, создаваемая из материала языка, позволяет

передавать такой объём информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной собственно языковой структуры. Из этого вытекает, что данная информация (содержание) не может ни существовать, ни быть передана вне данной структуры. Пересказывая стихотворение обычной речью, мы разрушаем структуру и, следовательно, доносим до воспринимающего совсем не тот объём информации, который содержался в нём. Таким образом, методика рассмотрения отдельно «идейного содержания», а отдельно – «художественных особенностей», столь прочно привившаяся в школьной практике, зиждется на непонимании основ искусства и вредна, ибо прививает массовому читателю ложное представление о литературе как о способе длинно и украшенно излагать те же самые мысли, которые можно сказать просто и кратко. Если идейное содержание «Войны и мира» или «Евгения Онегина» можно изложить на двух страничках, то естествен вывод: следует читать не длинные произведения, а короткие учебники. Это вывод, к которому толкают не плохие учителя нерадивых учеников, а вся система школьного изучения литературы, которая, в свою очередь, лишь упрощённо и потому наиболее чётко отражает тенденции, ясно дающие себя чувствовать в науке о литературе.

Мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее. Л. Н. Толстой писал о главной мысли «Анны Карениной»: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был написать роман тот самый, который я написал сначала. И если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, что я хочу сказать, то я их поздравляю <...> И если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всём, почти во всём, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собой для выражения себя; но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берётся одна и без того сцепления, в котором она находится». Толстой необычайно ярко сказал о том, что художественная мысль реализует себя через «сцепление» – структуру – и не существует вне её, что идея художника реализуется в его модели действительности. И далее Толстой пишет: «...нужны люди, которые показали бы бессмыслицу отыскивания отдельных мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесчисленном лабиринте сцеплений, в котором состоит сущность искусства, и по тем законам, которые служат основанием этих сцеплений».

Определение «форма соответствует содержанию», верное в философском смысле, всё же недостаточно точно отражает отношение структуры и идеи. Еще Ю. Н. Тынянов указывал на её неудобную (применительно к искусству) метафоричность: «Форма + содержание = стакан + вино. Но все пространственные аналогии, применяемые к понятию формы, важны тем, что только притворяются аналогиями: на самом деле в понятие формы неизменно подсовывается при этом статический признак, тесно связанный с пространственностью»

Для наглядного представления отношения идеи к структуре удобнее вообразить себе связь жизни и сложного биологического механизма живой ткани. Жизнь, составляющая главное свойство живого организма, немислима вне его физической структуры, она является функцией этой работающей системы. Исследователь литературы, который надеется постичь идею, оторванную от авторской системы моделирования мира, от структуры произведения, напоминает учёного-идеалиста, пытающегося отделить жизнь от той конкретной биологической структуры, функцией которой она является. Идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, не понимающий этого и ищущий идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет свой план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – её

реализация. Идейное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея невысказима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры.

Измененная структура донесёт до читателя или зрителя иную идею. Из этого следует, что в стихотворении нет «формальных элементов» в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие. Художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть элементы смысловые.